

Обзорная статья

УДК 81'25, 81'119

DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101

Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды

Анатолий Федорович Фефелов

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

bobyrgan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1015-3433>

Аннотация

Данная статья является обзором работ Р. Кейеса, Ф. И. Гиренока, О. В. Хлебниковой, Л. Макинтайэра по проблематике post-truth с терминологическими комментариями автора. На их концептуальной основе и их лексическом материале предпринимается попытка выявить потенциальный состав лексико-семантического поля слабо оформленной лексемы post-truth в ее сочетаниях с различными существительными, являющимися индикаторами его предметной интерпретации. В англоязычных словарях она относится еще только к категории прилагательных, в предметной аналитике начинает семантизироваться как понятие, по синонимическим, антонимическим и ассоциативным связям которого выявляются две области понятийной интерпретации: широкая и узкая. Широкая связывает дискурс post-truth и анализирует его с позиций науки и традиционной этики, сложившейся под влиянием классических христианских текстов. Узкая, не рассматриваемая в данном обзоре, фокусирует внимание на сдвигах в целях, технологиях, механизмах и, прежде всего, риториках массовой общественно-политической коммуникации в странах «коллективного Запада», выявляя изменения в информационных каналах как на уровне отправителя, так и получателя. Методологическая специфика статьи состоит в том, что анализ семантики лексических единиц post-truth и его претензии на новизну проводится на фоне исторического диалога англо-американской, французской и русской культур по вопросу о truth, vérité, истине и правде, представленных высказываниями писателей, философов и ученых о перечисленных концептах. Соответственно, большое внимание уделяется выявлению корреляции сем post-truth и truth с семантикой слов истина и правда.

Ключевые слова

ментальный лексикон, постправда, постистина, дезидеративное мышление, дилетантизм, словарная интерпретация, предметная интерпретация, межкультурный диалог, переводческая релокация, смысловая рефракция

Для цитирования

Фефелов А. Ф. Лексико-семантическое поле post-truth в пространстве от истины до правды // Вестник НГУ, Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 1. С. 83–101. DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101

Lexico-Semantic Field of POST-TRUTH through the Prism of its Russian Correspondences *Istina* and *Pravda*

Anatoli F. Fefelov

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

bobyrgan@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1015-3433>

Abstract

This article is a review of the works by R. Keyes, F. I. Girenok, O. V. Khlebnikova, L. McIntyre on the issue of post-truth the author's terminological comments. On their conceptual basis and lexical material, an attempt is made to identify the potential composition of the lexico-semantic field of this yet loosely-formed lexeme through its combinations with various nouns, indicators of its subject interpretation. English-language dictionaries define the lexeme only as an adjective, while in subject analytics it begins to be analyzed as a separate concept. With regard to its synonymic, antonymic and associative relationships, two areas of conceptual interpretation are revealed: broad and narrow. The former analyzes the discourse about post-truth from the standpoint of science and traditional ethics, developed under the influence of classical Christian texts. The narrow one, which is not considered in this review, focuses on shifts in goals, technologies, mechanisms, and, above all, the rhetoric of mass socio-political communication in the countries of the "collective West", revealing changes in information channels both at the sender and recipient levels. The methodological specificity of the article lies in the fact that the semantic analysis of lexical units related to post-truth and its claim to novelty is carried out against the background of a historical dialogue of Anglo-American, French and Russian cultures on the issue of truth, vérité, pravda and istina, represented in the statements and quotes by writers, philosophers and scientists about these concepts. Much attention is paid, therefore, to identifying the correlation of the post-truth and truth semantics with its Russian correspondences pravda and istina not only in lexicographic sources but, first of all, in the translation of statements, made by the author.

Keywords

mental lexicon, post-truth, vérité, post-vérité, wishful thinking, death of expertise, translation relocation, semantic splitting, refraction of meaning, dictionary interpretation, subject interpretation, intercultural dialogue, English, French, Russian

For citation

Fefelov A. F. Lexico-semantic field of POST-TRUTH through the Prism of its Russian Correspondences *Istina* and *Pravda*. *Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2023, vol. 21, no. 1, pp. 83–101. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7935-2023-21-1-83-101

"Truth is seldom friend to any crowd"

R. Kipling, The Fabulists

Ici, « le mensonge a autant de force que la vérité »

J. Green

Введение

Целью статьи является обзор работ, прямо или косвенно интерпретирующих семиозис словосочетания post-truth, предметные значения и общественные смыслы которого находятся еще на этапе первичного становления. Не случайно одна из недавних реферативных статей, опубликованная в журнале по социальной эпистемологии, самим своим названием трактует его уничижительно [Martin, 2019]¹. Косвенно это указывает на искусственность острого интереса, возникшего в 2016 году и поддержанного словарной статьей в «Оксфордском словаре» (далее – OD). Дискуссия связана не только с «отменой» понятия truth, на что указывает семантика форманта post-, но и с обнаружением среды, в которой она возникла, с прагматико-коммуникативными интенциями различных ее представителей, реакциями внешнего культур-

¹ "What's the Fuss about Post-Truth?" – «Почему столько шума вокруг постправды?». Или постистины. – А. Ф.

но-языкового окружения, к которому мы относим не только французские и русские отклики, но и накопленные культурами высказывания по концептам VÉRITÉ (в первом случае) и ПРАВДА или ИСТИНА (во втором). Действительно, проблема понятийной и переводческой интерпретации осложняется тем, что в русской ментальности начиная с глубокой древности сложилось два тесно взаимосвязанных, но специфичных в когнитивном и морально-нравственном отношении понятия [Топоров, 1958, с. 83; Успенский, 1994, с. 48, 193; Черников, 1999; Степанов, 2001, с. 443; Знаков, 1999].

Корреляция их с truth, post-truth и vérité также очень важная задача статьи, причем в качестве ее методологического инструмента будет использоваться не только анализ их семантики, но и перевод на русский язык с учетом рефракции словарной семантики единиц в определенном предметном и/или жанровом контексте. Эта зависимость уже была проверена на французском и английском поэтическом и библейском текстах в [Мехонцева, 2004; Иванов, 2008]. Приведем статистику (рис. 1) на материале соответствий лексеме truth в переводах сонетов Шекспира (то есть в любовной лирике), показывающую важность предметного контекста и сложность взаимоотношений между исследуемыми единицами.

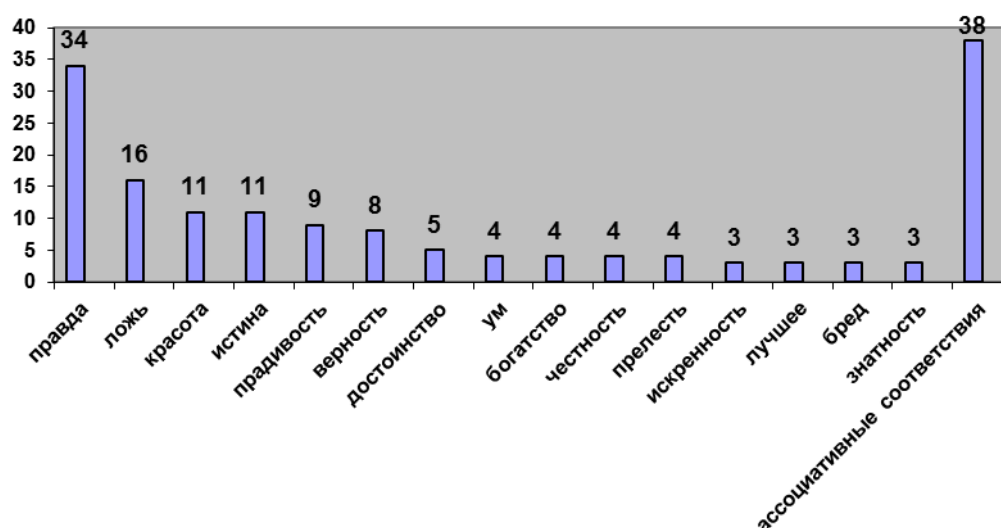

Рис. 1. Частотность вариантов интерпретации понятия truth в переводах сонетов Шекспира

Fig. 1. The frequency of different interpretations of truth in Russian translations of Shakespeare's sonnets

В сонетах, переведенных видными советскими переводчиками, доминирует значение *правда*, которое передается как прямым эквивалентом *правда*, так и антонимом *ложь*, передающим в контексте противоположный смысл, и аналогами *правдивость*, *честность*, *искренность*. В совокупности это 66 эквивалентов, тогда как значение *истина* с аналогами *верность*, *ум* насчитывает 23 эквивалента. Заметим, что часть значений антонима *ложь* может быть больше связана с истиной, чем с правдой, но вывод о доминировании понятия *правда* это не дезавуирует. С точки зрения предметно-жанровой специфики важно подчеркнуть наличие большого числа всевозможных контекстуальных эквивалентов, которые словарными синонимами truth вообще не являются. Особенно это касается ассоциативных лексем, первых по численности, вроде «квинтэссенция», «ты», «твой дух», «сокровища», «цвет», «совершенство», «скромность», «естественное чувство», «здравый смысл», «злоречивая молва», «должное», «очарование», «сила», «свята», «цель», «смысл», «путь», «воля».

Одному понятию truth в разных контекстах и переводах сонетов соответствуют 47 перевыражений. Это говорит в первую очередь об индивидуальности декодирования переводчиками (и затем читателями) этого понятия, а также о его особо сложной корреляции с правдой и исти-

ной в русской лингвокультуре. И французские постмодернисты с их плюралистичной истиной восприятия оказываются в этой никем не нормируемой сфере правыми. Именно сумма фиксируемых индивидуальностей показывает, как одна культура интерпретирует текстовые смыслы другой; другого способа выявить это нет, так как словарь фиксирует лишь языковые значения лексемы *truth*, а не предметные смыслы и тем более художественные видения.

Другое дело религиозный, специальный предметный или общенаучный дискурс; в них значения слов обязательно нормируются, приобретают статус терминов и переводятся как термины или же приобретают статус устойчивых регулярных эквивалентов. Русский синодальный перевод и английская King James Version, например, создавались независимо друг от друга и в разные культурно-исторические эпохи, но пары *truth* – *истина* и *truth* – *правда*, *правда* – *righteousness* оказались семантически прочно связанными. При этом число альтернативных вариантов неизмеримо меньше, чем в переводах сонетов.

Нормирование прямо касается и терминоида *post-truth*. Задача обзора (предмет исследования) состоит в том, чтобы выявить структуру лексико-семантического поля этой единицы.

Лингвистическое описание лексемы *post-truth* и ее семантического поля

Начнем с анализа лингвистической и лингвопрагматической – текстовой, жанрово-стилистической – информации, доступной в настоящий момент в различных толковых и специальных словарях, о слове *post-truth*. Она есть не только в британских и американских справочных изданиях, но и во французских [«*Tourpictionnaire*» : *Le dictionnaire de politique*], где фигурирует в виде существительного *post-vérité* и прилагательного *post-factuel(le)*. Анализ словарных статей позволил сделать ряд выводов.

Доминирует письменная форма с дефисом, но для British English Collins English Dictionary дает и альтернативную орфографию без дефиса – *posttruth*².

Доминирует полное произношение, но в единичном случае³ указываются возможность редукции согласного на стыке префикса и корня: [ˌpəʊs(t)'truːθ] и стандартное различие между британским [ˌpəʊst'truːθ] и американским [ˌpoʊst'truːθ] вариантами дифтонга.

Во всех толковых словарях слово относится к категории прилагательных, что подкрепляется соответствующими примерами. Их перечень обозначает приоритетную сферу их функционирования. Это публичная политика, политическая жизнь, политическая коммуникация:

- *the era of post-truth politics; the world has entered an era of **post-truth** politics;*
- *...helps to foster this “**post-truth**” era of politics⁴;*
- *Would it be fair to say we live in a **post-truth** era? a “**post-truth**” White House;*
- *“Fake News in a **Post-truth** World” (название лекции);*
- *...adaptation to the **post-truth** environment;*
- *The candidate has run a **post-truth** campaign...;*
- *Welcome to the **post-truth** world⁵;*
- *We exist in the postmodern, relativistic, **post-truth**, post-fact multiverse of our own making⁶;*
- *We live in a **post-truth** age⁷.*

² <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/post-truth>.

³ <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/post-truth>.

⁴ New York Times (Nov. 8, 2016). URL: <https://www.nytimes.com/2016/11/09/opinion/were-near-the-breaking-point.html>.

⁵ The New Yorker (Nov. 3, 2016). URL: <http://www.newyorker.com/culture/culture-desk/adam-curtiss-essential-counterhistories>.

⁶ Nola.com (Mar. 6, 2017). URL: http://www.nola.com/opinions/index.ssf/2017/03/you_wont_believe_this_or_at_le.html.

⁷ The Atlantic (Aug. 24, 2012). URL: <http://www.theatlantic.com/business/archive/2012/08/the-age-of-niallism-ferguson-and-the-post-fact-world/261395/>.

Все цитируемые источники примеров, как видим, американские, но явление подается как мировое, универсальное, что далеко не очевидно. Это объясняется привычкой экстраполировать американские тенденции политической или общественной жизни на «весь мир», подразумевая при этом весь американоцентричный мир. Отметим также, что в большинстве примеров трансформация политикума подается как свершившийся факт, и лишь в двух случаях он подвергается сомнению с помощью кавычек. Это важный сигнал, аналогичный прием концептуализации в условиях неопределенности и/или слома часто встречается и при описании оснований развивающейся параллельно культуры отмены [Фефелов, 2022].

Намечается и альтернативная точка зрения на post-truth. Утверждение *We are in post-truth politics. ...We have always been in post-truth politics*⁸ предлагает рассмотреть его, во-первых, в более широкой политико-исторической перспективе и, во-вторых, на базе более серьезных предметных подходов.

Забегая несколько вперед, можно сказать, что понятие truth politics, то есть политика, основанная исключительно на правдивой информации и принципиально избегающая нечестных приемов, манипуляции, скрытой лжи, апелляции к чувствам, вообще никогда не существовала где бы то ни было. На эту особенность политической жизни указывают многие, и в частности французский источник, цитирующий авторитетнейшего американского социального философа Ханну Арендт: «Честность никогда не числилась среди политических добродетелей, тогда как ложь всегда считалась совершенно оправданным средством в политических делах»⁹ (перевод наш – А. Ф.). К такому же выводу пришел некогда и французский писатель американского происхождения Жюльен Грин (Julien Green), его слова приведены во втором эпиграфе к настоящей статье, причем он противопоставляет ложь/вранье правде, а не истину заблуждению: «Ложь [здесь] обладает не меньшей силой, чем правда» (или иначе: имеет не меньшее значение, чем правда). А другой французский мыслитель, Реми де Гурмон (1858–1915), имел смелость пояснять компромиссы прессы с правдой суровой действительностью издательского бизнеса: «Тираж должен расти непременно. Это основное требование – принцип. Сколько газет закрылось из-за того, что им не хватало выдуманных новостей (*fausses nouvelles*), ярких скандалов, изобретательных выдумок (*spirituels mensonges*)»¹⁰. Аналоги основных нынешних английских неологизмов у него были уже на рубеже XX века.

Возвращаясь к словарям, заметим, что утверждение в примере *In this post-truth era, science is needed more than ever* напоминает о том, что проблема должна рассматриваться и в своей законной области, в сфере предметной научной и философской мысли, то есть там, где были сформированы критерии истинности знания. Именно с ней связан пессимистичный эпиграф Киплинга, справедливо указавшего (среди многих других, конечно) на то, что профанному человеку Истина (и истины) доступна в виде исключения. Но он может жить по правде.

Для словарных дефиниций характерно отсутствие точных геокультурных координат областей распространения *post-truth* или культурных систем, пораженных ею, что сильно снижает когнитивную и прагматическую ценность информации. Вместо геокультурных координат фигурируют существительные *circumstances in which...*¹¹, *a situation in which...*¹², *a culture in which...*¹³, *a situation or system in which...*¹⁴.

⁸ Slate Magazine (Aug. 31, 2016). URL: http://www.slate.com/articles/news_and_politics/politics/2016/08/the_biggest_political_lie_of_2016.html.

⁹ «La vérité n'a jamais figuré au nombre des vertus politiques, et le mensonge a toujours été considéré comme un moyen parfaitement justifié dans les affaires politiques».

¹⁰ «Il faut faire monter le tirage. C'est un grand principe. On a vu des journaux mourir faute de fausses nouvelles, fautes d'injures inédites, faute de spirituels mensonges.» Rémy de Gourmont. Épilogues (février 1898).

¹¹ Oxford Languages. URL: <https://languages.oup.com/google-dictionary-en>.

¹² <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/post-truth>.

¹³ <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/post-truth>.

¹⁴ <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/post-truth>.

Они могут относиться к любой исторической эпохе и любой политической или социокультурной системе, элиминируя, например, существенные характеристики долгой борьбы света светской науки и просвещения против обскурантизма и «шарлатанства» христианской церкви как раз по вопросам истины и правды. Проиллюстрируем эту динамику двумя цитатами. Андре Лорюло (1885–1963) мотивировал некогда интенцию своей «Комической Библии с картинками» и всю ее риторику осмеяния желанием «показать инфантильную суть Священного Писания, акцентировать ее абсурд, аморальность и ложь», и все это «во имя борьбы против эксплуататорского клерикализма, пагубных суеверий и предрассудков»¹⁵ [Lorulot, цит. по Tourpilles]. Современный европоцентричный культурный контекст с его культом прав отдельной личности показывает, однако, что духовность человека от этого никак не выросла; скорее наоборот – человек стал эгоцентричнее и циничнее, превращая себя строго по библейскому тексту в «пуп земли». Как раз в этом смысле высказался еще в 1970 году Жан Бодрийар, предсказав «перекося» по критерию истинности в области эмансипации тела в сознании современного западного человека (особенно американского), оказавшегося беззащитным перед очередным валом (вполне, впрочем, управляемым) «революционных» идей, связанных с защитой разнообразия половых практик, волюнтаристского гендерного самоопределения. Они полностью игнорируют фундаментальные истины биологии, генетики и психологии, хотя иногда и соответствуют правде жизни. Обычно «открытие»¹⁶ тела трактовалось в морально-этическом и философском планах, написал он, как критика церковных догм о сакральном, как движение к большей свободе, к истине, к эмансипации, то есть как бой (интеллектуалов) за человека и против Бога. Однако эта борьба привела не к искомой десакрализации сознания, а к попыткам его ресакрализации. Другими словами, от культа освободиться не удалось. Строго по формуле «свято место пусто не бывает» вместо прежнего религиозного культа души (и духовного) в обществе стал возникать культ тела, который при этом унаследовал *прежнюю идеологическую* функцию души/духовного в ментальности человека¹⁷. На наш взгляд, актуальность post-truth проблематики состоит только лишь в том, что пренебрежение принципом достоверности публикуемой информации и подмена рационально-логической аргументации аффективным воздействием возникли в самом неожиданном месте, в «передовой» для широкой публики стране и оттуда стали распространяться на остальной мир.

Датировка появления post-truth в словарных статьях отсутствует, хотя понятно, что явление мыслится как современное, поскольку само слово имеет статус неологизма. Однако некоторые социокультурные особенности примеров указывают на период примерно с 2016 года. Для толковых словарей такая неопределенность вполне допустима, но нужно иметь в виду, что они не анализируют само явление во всей его полноте, а всего лишь дают первое определение не столько новой лексической единице, сколько настораживающим сдвигам в ментальности американского медийного сообщества, которые ассоциируются с post-truth.

Специальные же источники, отражающие материал и выводы предметных исследований, указывают, например, что книга американского социолога и социального психолога Ральфа Кейеса «Эра постправды» с красноречивым подзаголовком «Нечестность и обман в современ-

¹⁵ « Mais derrière le rire, mon but est de faire un peu d'éducation. En me moquant, j'espère amener le lecteur à réfléchir. En faisant ressortir le caractère enfantin des «Saintes Ecritures», en mettant en relief les absurdités, les immoralités, les mensonges contenus dans le «Livre de Dieu», j'ai conscience de faire oeuvre utile contre le cléricalisme exploiteur et contre la superstition néfaste [...] avec bon sens, joyeusement, démolissons l'oeuvre des charlatans! Débourrons les crânes! » André Lorulot (1885–1963). La bible comique illustrée.

¹⁶ Кавычки Бодрийара.

¹⁷ «Sa «découverte», qui fut longtemps une critique du sacré, vers plus de liberté, de *vérité*, d'émancipation, bref un combat pour l'homme contre Dieu, se fait aujourd'hui sous le signe de la *resacralisation*. Le culte du corps n'est plus en contradiction avec celui de l'âme : il lui succède et hérite de sa fonction idéologique.» Baudrillard, Jean. La Société de consommation, 1970.

ной жизни»¹⁸ увидела свет в 2004 году, а взрывной рост употребления термина в 2016 году они связывают с референдумом по Брекситу в Соединенном Королевстве и победой Д. Трампа на президентских выборах. При этом наиболее ярким и бесспорным примером действий, стимулировавших признание идеологии post-truth в качестве новой информационно-коммуникативной реальности, признается факт, имевший место еще 5 февраля 2003 года, когда тогдашний госсекретарь США Колин Пауэлл во время официального выступления в ООН предъявил в качестве объективного доказательства (оказавшегося, однако, сфабрикованным и подложным) пробирку, ставшую главным аргументом, повлиявшим на голосование в ООН и послужившим основанием для обвинения Ирака в производстве химического оружия массового поражения. Р. Кейес приводит много примеров подобного рода, пусть и не столь цинично трактующих альтернативную ментальность американоцентричного адресата, из гораздо более ранней истории США, как, впрочем, и Ноам Хомский¹⁹.

Таким образом, суть новой на первый взгляд информационной культуры, идентифицируемой с постправдой, состоит в том, чтобы склонять общественное мнение в свою пользу, воздействуя на него с помощью демагогии и простых эмоциональных аргументов. Соответствующие семы выделяются в слове post-truth всеми толковыми словарями: 'shaping public opinion'; 'people are more likely to accept'; 'appeals to emotion and personal belief'; 'an argument based on their emotions and beliefs, rather than one based on facts'; 'appeals to the emotions tend to prevail over facts and logical arguments' и т. п. При этом радикальнее других формулирует позицию Macmillan Dictionary: 'the truth is neglected or ignored in favour of emotions and beliefs', вольно или невольно утверждая, что эмоции (или реабилитируемый теперь эмоциональный интеллект), верования и мнения (ср. типичное английское I believe) несовместимы с truth. Передавать смысл сказанного в этом контексте будет адекватнее всего русским соответствием *истина*, а не *правда*.

За пределами словарей предлагается еще один – сугубо прагматический – критерий определения истинности, правдивости, надежности и серьезности предлагаемой печатной информации: степень авторитетности и профессионализма органа печати. Так, социальный эпистемолог Дес Хьюитт закономерно задается вопросом: "...but when did newspapers such as The Sun and Daily Mail ever have a reputation other than that of entertainment" [Des Hewitt, 2020, p. 50]. Тем самым он оживляет в языковом сознании термины вроде «бульварное издание», «таблоид», «желтая пресса», «семейная газета», «женский журнал», «рекламный листок» и т. п., которые напоминают, что понятие truth принципиально не могло и не может находиться в центре их внимания в силу специфических информационных ожиданий их профильного адресата и что вся актуальная истинностная повестка неизбежно подвергнется в них смысловой рефракции. Сема *истина/правда* в данном случае вообще нейтрализуется, поскольку перед изданиями стоят другие коммуникативные цели. Эту ремарку Д. Хьюита логично экстраполировать и на торгово-маркетинговую сферу, руководящими и направляющими стимулами в которой являются бренды, марки, программы лояльности, то есть особая культура манипулирования «свободными предпочтениями» потребителей.

¹⁸ Ralph Keyes (2004). The Post-Truth Era: dishonesty and deception in contemporary life. Наряду с термином *post-truth era* в книге широко употребляется и существительное post-truthfulness, характеризующее новую «альтернативную» этику коммуникативного поведения индивидов и юридических лиц, кодируемую также креативным эвфемизмом *alt.ethics* ("This term refers to ethical systems in which dissembling is considered okay, not necessarily wrong, therefore not really 'dishonest' in the negative sense of the word" [Keyes, 2004, p. 16]). В философском заключении французского писателя Геэнно (Guéhenno) та же мысль была выражена в стандартных терминах: «Мы прозябаем в промежутке между истиной и заблуждением, правдой и обманом, в котором перемешаны и справедливость, и ее противоположность». Заметим, что оригинальное *vérité et mensonge* в русском **приходится передавать дважды**, поскольку отделить здесь истину от правды невозможно.

¹⁹ См. резюме его версии post-truth в [Фефелов, 2017].

Категоризация и концептуализация post-truth в значительной степени облегчаются с помощью выявления круга его реальных или потенциальных синонимов, антонимов и ассоциатов. Macmillan Dictionary предлагает очень длинный список синонимов, принцип отбора которых требует комментария. Все они развивают так или иначе *буквальную* семантику компонентов комплекса post-truth с точки зрения способности выполнять функции эвиденциальности и/или эпистемологической модальности. Но в них практически полностью отсутствует связь с той или иной практической или профессиональной областью деятельности, в которых реализуются этические установки деятелей и где, с одной стороны, видна специфическая связь деятельности с проблематикой истинности, а с другой — возмущающее влияние информационной технологии на соотношение объективности/эмоциональности в информационном канале. Так, несмотря на длину списка, в нем отсутствует, например, выражение *highly likely*, ставшее уже знаковым для характеристики достоверности умозаключений в современном британском дипломатическом и государственном дискурсе.

- Наречия (adv.): apparently, allegedly, seemingly, outwardly, seemingly, supposedly.
- Прилагательные (adj.): supposed, alleged, doubtful, speculative, unfounded, anecdotal, unsubstantiated, apocryphal, baseless (formal), debatable, deniable, disputable, disputed, equivocal (formal), factitious (very formal) fallacious (formal), false, far-fetched, fictitious, fictive (formal), groundless, ill-founded (formal), illogical, implausible, impressionistic, improbable, inconclusive, intuitive, invalid, lame, misconceived (formal), misguided, misleading, nonsensical, ostensible, post-fact, presumptive (very formal), purported (formal), putative (formal), questionable, reputed (formal), rumoured, seeming (formal), specious, spurious (formal), subjective, surface, tentative, theoretical, transparent, trumped-up²⁰, unclear, unconfirmed, uncorroborated, unlikely, unproven, unreliable, unsafe (Legal British), unscientific, unsupported, untenable, untrue, untruthful, wishy-washy (informal).
- Словосочетания (phrases): betwixt and between (literary), be without foundation, in dispute, in question, it's a game of two halves, on someone's say-so (informal), open to debate, open to dispute, open to doubt, prima facie.

Что касается несловарных синонимов, то на роль таковых претендуют прежде всего слова *lies*, *fake-news*, выражение *death of expertise* и даже PR. В массовой политически маркированной коммуникации первое, характеризующее как истинностные качества информации, так и установки ее поставщиков/отправителей (*purveyors*), снова выходит на передний план, поскольку кое-кто понял «вдруг», что в пестовавшейся десятилетиями информационной среде правды и истины не так уж много, как хотелось бы или как утверждается в полемическом противостоянии с идеологическими противниками. Политтехнологи и PR-специалисты предпочитают не акцентировать внимание на старых истинах и заключениях наблюдателей прошлого вроде очень авторитетного Дж. Оруэлла, открыто сказавшего, что «предназначение политического языка состоит в том, чтобы придать достоверность вранью и видимость солидности пустому сотрясанию воздуха»²¹. Действительно, неологизм *fake news* концептуализирует то же самое политико-коммуникативное явление немного иначе: он указывает на главный инструмент реализации постфактуального пафоса политического дискурса и одновременно несет в себе функции обвинения противника и агитации за свою партию.

Словосочетание же *death of expertise* существенно меняет ракурс анализа структуры поля; оно указывает на главную для некоторых аналитиков причину распространения культуры post-truth не только и не столько в политической, маркетинговой, менеджерской коммуникации, сколько в деятельности, которая продуцирует научную информацию и знания, обеспечивает

²⁰ Слово со значением *сфабрикованный* появилось до Трампа, но ясно, что в современном контексте борьбы против «новой лжи», символом которой демократам очень выгодно объявлять Д. Трампа, оно может и должно стать элементом публичной *knowledge game* (о ней подробно во второй статье).

²¹ Переведено по французскому источнику: « Le langage politique est destiné à rendre vraisemblable les mensonges, ... et à donner l'apparence de la solidité à ce qui n'est que vent. » George Orwell (1903–1950).

их надежную передачу, то есть качественное образование. Речь идет о реабилитации дилетантства и дилетантов, снижении требований к научно-методическому и профессиональному уровню публикуемых в широкой печати материалов и результатов исследований.

Именно этот ракурс превалирует в российских толкованиях гештальта интеллектуальной активности, свойственного новорусскому поколению молодых (интернет-)мыслителей. В России внимание привлекает в первую очередь эволюция типа мышления, а именно – возникновение так называемого клипового мышления, свойственного молодежи, а не их этические установки. Сам же эффект post-truth в его российской версии в этом случае становится его прямым следствием. При этом такое мышление вообще не связывается с политиками и органами политической коммуникации; проявляясь в самых различных сферах, оно заметнее всего в организации текста-рассуждения, его логической связности, неспособности авторов синтезировать содержание нескольких источников, длине и т. п.

С учетом проблематики данной статьи важно подчеркнуть, что толкование death of expertise всецело относится к семантическому полю истины, а не правды; к связи клипового мышления с критериями объективности, строгости, научности, логичности, а не к корпоративной этике, культуре правды и лжи, неизменно выходящим на первый план в анализе политического дискурса.

Есть, конечно, и информационная среда, в которой американская alt.ethics информационно-политической коммуникации и клиповое мышление пересекаются. Это область «большой цифры», на негативную роль которой указывают почти все. Этот вывод следует, например, из сетований главного редактора газеты The Guardian Катарины Вайнер (Katharine Viner) в заметке «Как цифровой мир повлиял на наше отношение к правдивой информации»: «Никогда еще не было так легко опубликовать ложные информационные сообщения, как в условиях нынешней цифровой коммуникации; они моментально репостятся и начинают восприниматься как правда... Они не стремятся укрепить социальные связи, не видят связи информирования ни с долгом гражданина, ни с принципами демократии; наоборот, эта среда стимулирует создание массы разрозненных обособленных групп, которые занимаются распространением всяких выдумок лишь затем, чтобы сплотиться вокруг них и противопоставить себя тем, кто называет ложь ложью».²²

Мимоходом она обозначает и тревожную тенденцию во взаимоотношениях медиа с читателями: адресат в лице различных социокультурных групп и субкультур сам склонен к избирательной игре с новостями, игнорируя установки медийных авторитетов (high-profile writers) и всего информационного сообщества. Однако содержание термина post-truth era раскрывается для нас в этом случае уже иначе: существуют категории своего (национального) адресата, которые саботируют деятельность честных высокопрофессиональных СМИ страны и сводят на нет их усилия по распространению достоверной информации, предлагая свои истинностные интерпретации событий настоящего и, что характернее, прошлого, причем иногда далекого. Маркерами (хэштегами) подобной оппозиционности в английском языке стали слова truther, truth-teller (с дефисом или без), dox/doxx (связываемое к тому же с заграничными кибератаками), fact-challenged (ср. [Кригер, 2020]).

Для адекватного понимания смысловой и символической нагрузки этих единиц нужно, как и всегда, успешно преодолеть барьер буквализма и межъязыковой асимметрии. Существительное truther (употребляемое также и в функции определения) – это человек, который упорно отрицает достоверность общепринятого толкования причин какого-нибудь значимого события (например, атака на башни-близнецы Всемирного торгового центра или высадка на Луну) и продвигает свои версии, как правило, связывая произошедшее с тайной деятельностью мировой закулисы, спецслужб и т. д. В этом значении («сторонник теорий мирового заговора») слово truther очень часто получает отрицательную коннотацию, являясь, по сути, эвфемизмом

²² Katharine Viner, « Comment le numérique a ébranlé notre rapport à la vérité » (12 juillet 2016).

для перевыражения диагностических слов *страдающий манией преследования, параноик, больной*. В русскоязычной среде таких можно назвать *разоблачителями*, тогда как слова *правдец* (например, о Солженицыне) или *неполживец* (о советских шестидесятиниках) искажат социокультурное содержание слова *truth-teller* полностью. В отличие от *truth-teller* ('борец за правду, правдец') с обсуждаемым кризисом честного информирования оно вообще не связано; может употребляться с оттенком иронии (ср. 'правдоруб'), возникающим часто в бытовых ситуациях, но, в принципе, является высшей похвалой. Так, John Pilger, рекомендуя книгу Ноама Хомского *Making the Future* (2012), называет его "a truth-teller on an epic scale" – 'бескомпромиссный боец за правду'; 'защитник истины эпического масштаба'; 'правдолюбец'. А буквальный перевод *truth-teller* в предложении *Но г-н Трамп верит, что избиратели, только что пережившие трудные времена... примут его как рассказчика правды* крайне неудачен. В ситуации предвыборной кампании он для них не может быть неким рассказчиком правды или правдолюбом, поскольку он эксплуатирует высокий образ разоблачителя или изобличителя всякой лжи. Поэтому сомнение в конце нужно выразить иначе: *примут его как носителя правды*. Что касается *dox/doxx*, то оно отражает современную практику анонимного или замаскированного распространения ложной информации по интернету под видом достоверной.

В связи с замечанием К. Вайнер важно отметить, что русскоязычный профессиональный дискурс не справляется с передачей семантики слова *expertise* в критически важном для предметного осмысления словосочетании *death of expertise*: в текстах обычно появляется буквальный эквивалент *экспертиза* (с указанием на ее конец, смерть и т. д.), что совершенно запутывает уже вполне сложившуюся в русском языке систему значений этого давно ассимилированного заимствования.²³ Другими словами, интерпретаторы не берут на себя труд вписать новую квазиконцептуальную метафору *death of expertise* в существующую русскую систему. В русском языке *экспертиза* – это «исследование экспертами вопросов, решение которых требует специальных познаний в области науки, техники, искусства и т. д. Результаты Э. оформляются в виде экспертного **заключения** (= второе значение того же слова). Поэтому и существуют проектно-строительные, патентоведческие, планово-экономические, врачебно-трудовые, судебные, лингвистические, почерковедческие экспертизы»²⁴.

В английском слове *expertise* (*n*) это значение, развившееся в русском, отсутствует вообще. Документ называется иначе: *expert opinion*, ~ *conclusion*, ~ *report*, ~ *judgement*. Связь с его надежностью и высоким профессиональным уровнем передается в нем словом *expert* ('эксперт'; 'экспертный'). В *death of expertise* реализовано то же значение 'expert skill or knowledge in a particular field', которое может передаваться большой группой слов, среди которых приоритетны *proficiency*, *skillfulness*, *expertness*, *competence*, *knowledge*, *professionalism*, *know-how* (*informal*). В русском им и исходному слову соответствуют *компетентность*, *профессионализм*, *профессиональная подготовка*, *квалификация*, *знания и опыт*, *образование*, *ноу-хау*, *мозги* (*разг.*), *дипломы* (*разг.*). В результате вместо пустой сущности *смерть экспертизы*, где имитативная форма подавляет вполне рациональное содержание, появится *дорогу дилетантам, компетентность обнуляется* или *образованные больше не нужны, сами справимся*. При этом слово «экспертиза» в значении 'экспертное заключение' в управленческой, производственной, судебной и научной деятельности России будет здравствовать, как и прежде.

Рассмотрим далее, как *post-truth* концептуализируется в различных предметных сферах и как обогащается его лексико-семантическое поле. Предметные категоризации подразделяются нами на широкие (этические, научные, философские) и узкие, прямо связанные с задачами внутри- и межкультурной коммуникации и ее политехнологическим обеспечением. Узкие будут рассмотрены в отдельной статье. Там будет доказываться тезис, что на самом деле

²³ См. пример буквализма в «Смерть экспертизы: как интернет убивает научные знания» (Николс, 2019).

²⁴ <https://gufo.me/dict/bse/%D0%AD%D0%BA%D1%81%D0%BF%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%B0>.

мы имеем дело с локальным «открытием» в области политико-информационной коммуникации, с избавлением европоцентричной прессы от упорно культивировавшейся идеологической иллюзии в своем культурно-историческом праве распоряжаться понятиями истина/правда и судить об их присутствии/отсутствии в деятельности различных общественных и государственных институтов, формулировать критерии соответствия и транслировать их за пределы своей зоны влияния в целях борьбы с политико-идеологическими противниками.

Широкие предметные концептуализации post-truth: Кейес, Гиренок, Хлебникова, Макинтайэр

Итак, имеющаяся на данный момент словарная информация не способна дать сколь-нибудь внятного и четкого представления о действительном содержании декларируемой эры post-truth. Словари на это и не претендуют, в них нет искомой сущности – самого концепта (понятия), а слово используется в качестве характеристики современной эры, мира, периода, ситуации, культуры и т. п.

Предметный научный подход не может удовлетворяться трактовкой прилагательных. За ними скрываются какие-то концептуальные сущности (концепты, понятия), но попытки сформулировать их заставляют оторваться от американских общественно-политических реалий последних лет и сразу наводят на грустные выводы.

Действительно, ложь, различные формы искажения истины (привязанные к технологическим особенностям информационных и властных каналов), дезинформация, фальсификация, слухи, мистификации появились в политике задолго до прихода цифровой эры. Отсюда и скептический вывод о попытках сформулировать post-truth как новое понятие: «...Оно слишком размыто и не может еще использоваться как концепт, так как ассоциируется с массой патологических проявлений различного рода, которые могут повлиять на раскрытие научной истины, а сама агнотология, то есть преднамеренная фабрикация ложной информации, распространяется на чрезвычайно разнородные области деятельности»²⁵. В истории культур сохранилось огромное количество высказываний видных деятелей культуры и науки о месте различных видов истины в жизни человека и общества, которые полностью или частично подтверждают этот вывод. Тем не менее усилия прилагаются, и мы должны рассмотреть в рамках обзора идеи и терминосистемы четырех авторов.

Р. Кейес рассматривает вопрос преимущественно в общекультурном ключе, умозрительно оценивая с позиций моралиста адекватность своей формулы об эре постправды на примере чуть ли не всех профессиональных групп и слоев американского общества. Вероятно, потому она и не была замечена на заре XXI века. Так, проводя тезис о том, что возможности для обмана «вне всяких сомнений» (букв. clearly) ширятся, он вводит новое слово lie-tolerant (терпимо относящийся ко лжи), характеризуя с его помощью единую (для него) категорию американских врачей, адвокатов и политиков (“therapists, lawyers, and politicians”), объединяет их не строго, а по житейскому принципу «без хитрости успеха у клиента не добиться». Естественными носителями альтернативной этики обозначены именно эти группы; затем идет университетская профессура, зараженная постмодернистскими (то есть французскими) интеллектуальными идеями; далее фигурирует излишнее увлечение американского общества «сторителлингом»²⁶; потом эксплицируется «негативное влияние электронных СМИ» с их «индифферентностью к точности информации» (букв. veracity) и все поколение бэби-бумеров с их alt.ethics, и заканчивает перечень анонимность интернет-коммуникации [Keyes, 2004, p. 83]. Громкий вывод в духе Н. Хомского – “Everyone lies, especially our leaders”²⁷ – был сделан им на примерах

²⁵ Paul Jorion. Idées (07/04/2017).

²⁶ Кавычки в оригинале.

²⁷ С дополнением о том, что нечестность у президентов перестала быть исключением из правил: “Dishonesty has come to feel less like the exception and more like the norm”. Нормой ее никто и никогда в политике не объявит,

Эйзенхауэра (1960 г.), Никсона, Рейгана, Клинтона, Буша [Ibid., p. 15], которые сейчас среди «лжецов» уже не упоминаются. Но его можно было обосновать и «древней» цитатой из Киплинга: “There are not leaders, to lead us to honour”, предвосхитившего это заключение.

Р. Кейес допускает, что в ментальности общества могла иметь место эволюция рациональных установок (“...Clever people that we are, we have come up with rationales for tampering with truth, so we can dissemble guilt-free” [Ibid., p. 15]), но постправда для него – это все-таки морально-нравственный феномен, который пребывает в «сумеречной» зоне этики (ethical twilight²⁸ zone). Полагаем, что здесь описывается пресловутое двуличие (лицемерие) воспитанного западного человека, который находится сейчас на новой стадии эволюции, эксплицированной знаменитой формулой survival of the fittest Ч. Дарвина. Выживает, однако, не сильнейший, как ошибочно утверждает ее принятый русский перевод, а тот, кто умеет приспособиться к окружающей среде. Сема *сильнейший* стала приобретать актуальность лишь тогда, когда понятие *окружающая среда* начало охватывать в ее геополитическом толковании весь земной шар, а понятие biological или human species метафорически преобразовалось в political species, то есть конкурирующие государства или культурно-политические общности. Эти последние действительно глубинно стремятся взаимодействовать по «русскому переводу», что подтверждается приверженностью американской культуры принципу состязательности (competition) везде и во всем. Поэтому характеризуя современную американскую культуру, Кейес смело говорит о принятии лживости (неискренности) как обыденности, как привычного дела (“lying as commonplace”), но главным ее «активатором» он называет все-таки СМИ (“the media are a primary enabler²⁹ of post-truthfulness”), что и составляет специфичность позиции Р. Кейеса по данной проблематике. Причин тому он видит две: 1) ненасытный аппетит к красочной копии (“its insatiable appetite for colorful copy”), и за этой метафорой кроется акцентированная словарями установка на эмоциональность подачи информации; а также 2) популярные, авторитетные авторы со своей стилистикой (“high-profile writers”) [Ibid., p. 121]. Альтернативная этика визуальных медиа подчеркивается особо, так как «картинка», лица ведущих в кадре дают им более богатые технологические возможности для манипулирования содержанием и адресатом [Ibid., p. 124].

В России проблематика постправды как некоего глубокого сдвига в вербальных реакциях своего сознания на внешние события признается и освещается, но не по Кейесу, то есть не в этической плоскости, и это закрепляет за ней совсем другую систему терминов. В философской концепции Ф. И. Гиренкока для описания рефлексивной активности современного человека используется три взаимосвязанных понятия: «параллельный мир», «клиповое мышление» и «локальный дискурс». Сознание в параллельном мире нерелексивно и всегда, как у детей, актуально, то есть всегда равно содержанию сознания. В реальном мире нужно обязательно стать элементом социальной группы, то есть пройти социализацию, и тогда человек получает свойство, объективированное окружением, которого вне социума у него нет. У человека, пребывающего в параллельном мире, «изменение содержания... предстает как другое сознание, которое отсылает только к самому себе и ничего не знает о том, что было до него и что будет после» [Гиренок, 2012, с. 41]. Одним из способов связывания высказываний (то есть «мышления») является коммуникация в режиме бреда³⁰, который функционирует как «ментальная машина схватывания всего целого в одно мгновение» [Там же]. Этот новый тип сознания называется клиповым, ему соответствует клиповое мышление. Настоящее, то есть наблюдаемое здесь и сейчас, неотлично у носителей клипового сознания от его визуализации, и потому в их параллельном мире доминирует локальный дискурс [Там же]. Истинным источником локаль-

поскольку честность, как и Истина, это вечный **идеал**. Стоит признать нечестность нормой, и манипулятивный потенциал внутри- и, особенно, внешнекультурной пропаганды резко снизится.

²⁸ Во французском материале встречается примерно та же метафора: clair-obscur = ‘полусвет’; ‘светотень’.

²⁹ Другие используют примерно в этом же значении слово dispensers.

³⁰ Здесь это уже не психиатрический термин.

ного дискурса является не мышление, а воображение: «это речь, погруженная в воображение»; в ней «нет метанарраций, она принципиально нелинейна, и потому высказывание реальности в ней репрессуруется» [Там же]³¹.

О. В. Хлебникова трактует мыслительные и познавательные установки человека, проявившиеся в концепте постправды, тоже достаточно широко, то есть вне привязки post-truth к медийно-информационному сообществу. Вместе с тем она, в отличие от Гиренока, эксплицитно признает существование феномена post-truth, с одной стороны, и структурирует гештальт носителя клипового мышления, с другой. В качестве типового носителя такового мыслится постулируемая ею нарциссическая личность. Понятия *постправда*, *современный мир*, *его социокультурные практики*, *нарциссическая личность*, *истина* связываются воедино следующим образом: «... само обращение к концепту постправды является констатацией сложившейся явным порядком в современном мире ситуации, когда, с одной стороны, истина всегда менее важна, чем частный комфорт нарциссической личности, а с другой – в абсолютном смысле истина более не значима для действующих социокультурных практик» [Хлебникова, 2022, с. 195].

Для проблематики данной статьи самым значимым здесь моментом выступает интерпретация компонента *правда* в русском термине *постправда* **исключительно** через семантику слова *истина*. Другими словами, говоря «постправда», Хлебникова, на наш взгляд, всегда подразумевает «постистину».

Нарциссическая личность стоит как бы над миром, бдительно оберегая свой интеллектуальный комфорт и «суверенные» права, тем более что статус истины, ее авторитет в ментальности отдельного человека, многократно проиллюстрированный в нашей статье высказываниями крупных европейских фигур прошлого, уже не тот, что прежде. «...[Истина] отныне вообще не стоит на повестке дня, ничего не объясняет и никого ни к чему не обязывает» [Хлебникова, 2022, с. 203]. На первый план выходит прагматическое понятие операционального знания, то есть объем информации, необходимый для производственной работы, что, как указывает автор, «полностью искажает существо самого концепта “знание”» [Там же, с. 202]. Стирание же границ между профессионализмом и дилетантизмом, эмоционально называемое по-английски *death of expertise*, является не более чем следствием указанной подмены базовых понятий. Для клипового мышления, равно как и для носителей post-truth, характерна эмоциональность; но эта мысль передается в терминологическом отношении строже, чем в английских словарных дефинициях, а именно: «...При любом удобном случае [индивид] заменяет логическое аффективным» [Там же]. Такова его конститутивная черта: «...существо клиповости... заключается в апелляции не к рациональному осмыслению случившегося опыта, а к возможностям... воображения» [Там же, с. 202–203]. «...Подобного рода мышление по определению представ-

³¹ Типичный пример такого дискурса: «Вечер. Идет мама с двумя детьми. Один ребенок показывает на фонарь и говорит:

– Луна зеленая.

Другой добавляет:

– И квадратная.

Первый:

– Она качается и скрипит.

Второй:

– Почему же она не улетает?

Первый:

– А куда ей лететь? Ее место занято звездами.

Мама:

– Дети, это не луна, это фонарь, который раскачивает ветер.

Дети:

– Фонарь желтый, а луна была зеленая» [Гиренок, 2012]. В реальном мире, замечает Ф. Гиренок, имя бреда обычно не столь детское, в его качестве могут выступать, например, честные выборы, справедливость (а также открытость, демократия, свобода печати и другие абстракции).

ляет собой неорганизованное бессистемное множество актов “мысли”³², причем они... включаются или выключаются совершенно спонтанно по тем или иным аффективным³³ причинам... Постправда... отчасти манифестирует решимость нарциссической личности бороться... за поправившееся реальное, невзирая на здравый смысл и объективные социальные необходимости» [Та же, с. 205]. Существенно и то, что «современное информационное поле потенциально бесконечно. В наши дни нет никакой возможности говорить о наличии некоторого минимума значимой информации, которая гипотетически должна была бы быть известной всем (точнее, серьезная попытка выделить такой минимум сразу же стала бы нерешаемой логической и методологической проблемой) [Там же]. Отсюда вроде бы логичный вывод: «В силу этого любая информация изначально вызывает недоверие» [Там же].

В этой нарциссической парадигме не хватает, пожалуй, «научного» вклада постистинной (не постправдивой!) Wikipedia, вводящей в оборот понятие «дениализм» (от англ. denialism – от denialists/deny). Оно распространяет нигилизм и нонконформизм индивида (слова, вытесненные теперь резистансом) на научное мировоззрение: «...Форма мировоззрения, основанная на отрицании реальности, противоречащей личным убеждениям индивида, отказ принять эмпирически проверяемую точку зрения из-за нежелания отказаться от своей собственной»³⁴. Синонимом слова дениализм можно считать словосочетание wishful thinking; своей внутренней формой оно семантизирует ту же «познавательную» философию: должно быть так, как я этого хочу. Такая семантизация гораздо адекватнее переводу *выдавать желаемое за действительное*, поскольку перевод описывает другой тип мышления – тот, который дезавуирует результат своей спонтанной мыслительной деятельности, когда индивиду будет указано на конкретную логическую или фактическую ошибку. Новое wishful thinking никаких ошибок за собой признавать не хочет; как термин оно указывает, строго по Хлебниковой, на установку индивида защищать свои истины независимо от степени их абсурдности. Такую вербально-перформативную философию следовало бы назвать *дезидеративным мышлением*, используя в качестве этимона латинское существительное desiderium. Именно оно и создает параллельные миры.

Скептицизм стремится приобрести в этом случае форму культивируемого нонсенса, осознанной бухдуквистики. В данном случае, например, wishful thinking с буквальным усердием воспроизводит религиозные модели поведения бескомпромиссных протестантов, цель которых была созидательной и состояла в том, чтобы конструировать с помощью догматов Библии свой внутренний духовный мир. В современном *дезидеративном мышлении* все наоборот³⁵: дух фактически превращается в бух, а буква – в дукву, поскольку единственной целью ее когнитивной установки является не традиционное постижение истины, а отказ от осмысления ценностей и достижений культуры с помощью нарциссических аргументов типа «а мне фиолетово». Это значит, что оппозиция *истина – заблуждение* в этом конкретном сознании была нейтрализована или вообще не была активирована во время обучения. Единственным внятным мотивом такой псевдопознавательной установки становится романтизация своей интеллектуальной смелости и бесстрашия перед лицом «отсталых» традиционалистов. Распространение подобных «аргументов» косвенно указывает также на смену мыслительной парадигмы.

К этой же группе фундаментальных аналитиков нужно отнести и историка науки Ли Макинтайэра, поскольку в книге «С научных позиций»³⁶ он исследует суть post-truth с позиций строгой европейской научно-методологической традиции, складывающейся начиная с эпохи

³² Точнее, ментальных реакций на внешние раздражители.

³³ А не рационально-логическим.

³⁴ <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D0%B8%D0%B7%D0%BC>.

³⁵ См. заключение А. Эпплбаума об этой инверсии в [Фефелов, 2022, с. 130].

³⁶ Lee McIntyre. The Scientific Attitude. URL: <https://mitpress.mit.edu/9780262538930/the-scientific-attitude/>. Перевод наш. – А. Ф.

Просвещения. В русском языке его подход однозначно и практически во всех ответвлениях проблематики связан с защитой истины в ее научных манифестациях, включая – подчеркнем особо – общественные и гуманитарные науки, соответствие которых истинно научным критериям внушало сомнения задолго до появления post-truth. Так, Ф. И. Гиренок, критикуя когнитивные установки post-truth, с пониманием относится к «отмене» в Японии гуманитарных наук [Нитченко, Гиренок, 2018]³⁷, а в мире «англо» они относятся к liberal arts, то есть к искусствам, а никак не к sciences. В общественных науках Макинтайэр проявляет открытый скептицизм по отношению к достижениям французского постмодернизма, усомнившегося в существовании объективной истины (не правды!) в анализе литературных произведений и пропагандированного плюрализм мнений.³⁸

В лексическое поле post-truth от Макинтайэра можно взять три единицы, обозначающие три группы «антинаучников», отрицателей ее достижений: ideology-driven denialists, pseudoscientists, “skeptics”³⁹. У denialists (от science-denial, science deniers) подчеркивается идеологическая мотивированность позиции; псевдоученые – это те, кто злоупотребляет симуляцией означающих; и таинственные скептики, заключенные в кавычки, которые, смеем предположить, сомневаются в науке лишь потому, что она так и не смогла принести человеку избавление от всех бед и исполнение всех чаяний. Заметим также, что категорию «скептиков» можно дополнять и развивать с помощью синонимов «еретики» (то есть скептики в богословской сфере) и «диссиденты» (скептики, сомневающиеся в верности – истинности – марксизма-ленинизма или любой другой доминирующей политико-идеологической системы).

Впрочем, Л. Макинтайэр анализировал феномен post-truth и в «житейском» плане современной информационной культуры, но в другой книге под названием Post-Truth [McIntyre, 2018]^{40, 41}. Как замечает Б. Мартин, у него значение слова тоже наполняется в разных главах книги различным содержанием [Martin, 2019, p. 157]. Однако узкие (политико-информационные) предметные трактовки post-truth будут рассмотрены в отдельной статье.

Заключение и выводы

Изложенное выше бесспорно указывает на то, что семантика лексемы post-truth еще не сформировалась ни в общекультурном ментальном лексиконе, ни в научном дискурсе. Она пока воздействует на языковое сознание лишь аффективно, то есть провокативной семантикой форманта post-, намекающей, что кто-то (мир, общество, наука, политика, политики) отменил или пытается отменить truth в ее многочисленных проявлениях и предметных трансформациях. Отсюда и громогласные словосочетания, охотно распространяемые прессой и словарями, вроде post-truth era или death of expertise.

Проведенный обзор работ по этой проблематике позволил выявить значительное количество лексических единиц и словосочетаний, регулярно появляющихся в контексте post-truth и truth в виде синонимов с функцией дефиниции, антонимов, qualificatивов или связанных с post-truth ассоциативно. С одной стороны, они указывают на крайне упрощенное лексикографическое описание новой единицы в англоязычных словарях, а с другой – пополняют, концептуализируют и структурируют ЛСП post-truth в терминах английского языка, обозначая в нем

³⁷ С формулировкой, которая предполагает избирательные толкования: «Но гуманитарные науки, а тем более социальные, – это не науки, это, к сожалению, убежище для посредственностей».

³⁸ В виду имеется, в первую очередь, Р. Барт и его профильная работа «Критика и истина». Если бы была написана работа под названием «Ресторанная критика и истина», то плюралистичность истины возросла бы на порядок.

³⁹ Кавычки в оригинале.

⁴⁰ Robert Daniel Evers. Is life in a ‘post-truth’ world sustainable? [Online]. URL: <https://www.popmatters.com/post-truth-lee-mcintyre-2549370346.html>.

⁴¹ В современном контексте напрашивается людический (бухдуквистский) аналог «теперь и правды нет» с вариантом «ни истины, ни правды».

контуры как минимум двух сегментов. Косвенным (эмпирическим) подтверждением тому служат, например, названия двух работ Ли Макинтайэра, двух предметных реакций на один и тот же стимул: «С научных позиций» и «О постправде». В первой *post-truth* раскрывается в классической научно-образовательной парадигме как надуманное понятие и вредная тенденция. Во второй он акцентирует обыденную проблематику подачи информации в идеологически и коммерчески мотивированных СМИ. Если же в качестве референтов взять русские слова *истина* и *правда*, то в ЛСП *post-truth* можно разграничить два больших сегмента, единицы которых коррелируют либо с семантикой *истины*, либо с семантикой *правды*. Суть вопроса в широком предметном сегменте *post-truth* можно также легко вербализовать принципом образовательной политики Новосибирского государственного университета (Россия): «Мы не делаем вас умнее, мы научим вас думать».

Позиция Ральфа Кейеса, давно уже аргументировавшего термин *post-truth era* (оказавшийся полузабытым), задает в широком сегменте иную, не познавательную и не образовательную категоризацию понятия, а морально-этическую (и, следовательно, религиозную), связанную с честностью каждого человека, органа печати, бизнесмена и т. д., подкрепленную своим набором ключевых слов. Таким образом, он пребывает в области правды.

Выяснилось, что часть новой «постправдивой» подражательной терминологии еще не имеет адекватной переводческой интерпретации в русском научном дискурсе и привычно затемняется буквализмами. Но без терминологической концептуализации буквализмы – это тоже инструмент создания параллельного мира из симулированных означаемых в пространстве своей собственной лингвокультуры или предметной области. Самостоятельная же русская рефлексия, представленная здесь Ф. И. Гиреноком и О. В. Хлебниковой, развивает собственную, параллельную терминологическую систему.

Допущение идеологии *post-truth* в общественное мышление чревато риском перерождения процесса познания и образования в бухдуквистскую (патафизическую) игру, агрессивный иррациональный гештальт которой демонстрируют не только упомянутые в статье нарциссические индивиды О. В. Хлебниковой и носители клипового мышления, но и так называемые «плоскоземельцы» (*flat-earthers*).

Это значит, что в публичном поле властной игры за правду и за истину [*Dueling Realities*] теперь могут одновременно присутствовать *truthers* и “*truthers*”, *denialists* и “*denialists*”, зеленые и «зеленые» и т. д. Эпистемологический постулат адептов *post-truth* может состоять, следовательно, только в оправдании теоретического права на существование английского нонсенса, родной ахиней, французской галиматии. Приводимые в статье высказывания французских мыслителей по поводу концепта *VÉRITÉ* и его места в истории мысли, жизни *urbis et orbis* убедительно показывают, что *post-truth* – это результат недомыслия (и забывания с целью освобождения сознания от неприятного груза прошлого, сопровождающегося переоценкой ценностей [Клюканов, 2012, с. 27]). Именно во французской культуре было сконструировано из сугубо бухдуквистских соображений слово *savanturier*. Внутренняя форма этого блестящего новообразования писателя и страстного любителя блефа Р. Кёно (1903–1976) (*Raymond Queneau*), не вышедшего за рамки его текстов лишь по формальным причинам, хорошо раскрывает идеалы посттруферов: в нем органично слиты слова *ученый* (*savant*) и *авантюрист* (*aventurier*).

Список литературы

Барт Р. Критика и истина // Барт Р. Избранные работы. М., 1989.

Гиренок Ф. И. Параллельный мир: асоциальность социальных сетей. В сб. Ценности и коммуникация в современном обществе / под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2012. с. 38–42

Знаков В. В. Психология понимания правды. СПб., 1999. 279 с.

Иванов Е. А. Семантическая интерпретация понятий *truth* / «правда» и «истина» в словаре и тексте (опыты перевода и комментария английских и русских контекстов) / Дип. раб. под науч. рук. А. Ф. Фефелова. Депозитарий НГУ. Новосибирск, 2008. 70 с.

- Клюканов И. Э.** Коммуникация и забывание: переоценка ценностей // Ценности и коммуникация в современном обществе / Под ред. С. В. Клягина, О. Д. Шипуновой. Санкт-Петербург, 2012. С. 23–29.
- Кригер Е. И.** Прагматическая функция новых лексических единиц в понятийной сфере «СВОЙ – ЧУЖОЙ» (по материалам газет New York Post и New York Daily News) // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 6(85). Рр. 516–520.
- Мехонцева Ю. Г.** Семантический и культурологический аспекты анализа эволюции слов «правда – истина – vérité» во французском и русском языках / Дип. работа. под науч. рук. А. Ф. Фефелова. Репозиторий НГПУ. Новосибирск, 2004. 126 с.
- Нитченко М., Гиренок Ф.** Конец времени мыслителей. Интервью. Независимая газета, 29.03.2018.
- Степанов Ю. С.** Константы: Словарь русской культуры. М., 2001. 989 с.
- Топоров В. Н.** Этимологические параллели (славяно-италийские языки) // Краткие сообщения. Институт славяноведения. М., 1958. Т. 25. С. 74–88.
- Успенский Б. А.** Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). Москва: Гнозис, 1994. 239 с.
- Фефелов А. Ф.** Дискурс вокруг cancel culture как объект лингвокультурного и переводческого анализа: логика против «логики» // Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2022 Т. 206 № 1, с. 126–144.
- Фефелов А. Ф.** Медиафеномен Н. Хомского и его рецепция в русскоязычном информационном пространстве (риторика, семиотика, перевод) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2017. Т. 16, № 6: Журналистика. С. 112–122.
- Хлебникова О. В.** Клиповое мышление и гештальт постправды в пространстве нарциссической культуры // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14, № 3. Ч. 1. С. 195–214. DOI 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-195-214
- Черников М. В.** Концепты ПРАВДА и ИСТИНА в русской культуре: проблема корреляции [Электронный ресурс] // Общественные науки и современность. 1999. № 2. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/04/03/0000153483/015yERNIKOW.pdf> или www.politstudies.ru/fulltext/1999/5/5.htm (дата обращения: 10.09.2022).
- Arendt H.** Les origines du totalitarisme ; T. 3 : Le Système totalitaire // Tourpilles. Mensonge. Recueil de citations, 1951.
- Bouazid A.** “‘Post-Truth’: The Only Path Forward.” // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2022. Vol. 11(10). Pp. 14–19.
- Chomsky, N.** Making the Future // Occupations, Interventions, Empire and Resistance. Penguin books, 2012. 317 p.
- Dueling Realities: Amid Multiple Crises, Trump and Biden Supporters See Different Priorities and Futures for the Nation** [Online]. URL: <https://www.prrri.org/research/amid-multiple-crises-trump-and-biden-supporters-see-different-realities-and-futures-for-the-nation/> (дата обращения: 12.08.2022).
- Hewitt D.** A Critical Review of “Post-Truth: Knowledge as a Power Game” by Steve Fuller // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2020. Vol. 9(8). Pp. 47–52.
- Keyes R.** The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life. New York: St. Martin’s Press, 2004. 283 p.
- Martin B.** 2019. What’s the Fuss about Post-Truth? [Online] // Social Epistemology Review and Reply Collective. 2019. Vol. 8(10), pp. 155–166. URL: <https://wp.me/p1Bfg0-4Cw> (дата обращения: 12.08.2022).
- McIntyre L.** The Scientific Attitude. The MIT Press, 2020.
- McIntyre L.** Post-truth. The MIT Press, 2018.

Источники/Sources

- Cambridge Dictionary [Online]. URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/post-truth> (дата обращения: 03.08.2022).
- Collins English Dictionary [Online]. URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english/post-truth> (дата обращения: 03.08.2022).
- Macmillan Dictionary [Online]. URL: <https://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/post-truth> (дата обращения: 03.08.2022).
- Oxford English Dictionary [Online]. URL: <https://www.thefreedictionary.com/Oxford+English+Dictionary+Online> (дата обращения: 29.07.2022).
- “Toupictionnaire” : Le dictionnaire de politique [Online]. URL: <https://www.toupie.org/Dictionnaire/Post-verite.htm> (дата обращения: 29.07.2022).
- Larousse [Online]. URL: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/post-vérité/188379> (дата обращения: 29.07.2022).

References

- Arendt, H.** Les origines du totalitarisme ; T. 3 : Le Système totalitaire,. In : *Tourpilles*. Mensonge. Recueil de citations, 1951.
- Barthes, R.** Criticism and truth. In: *Barthes R. Selected works*. Moscow, 1989. (in Russ.)
- Bouزيد, A.** “Post-Truth”: The Only Path Forward.” *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2022, vol. 11(10), pp. 14–19.
- Chernikov, M. V.** Concepts of PRAVDA and ISTINA in Russian culture: the issues of correlation [Online]. *Social Science and Modernity*, 1999, no. 2. URL: <http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2004/04/03/0000153483/015yERNIKOW.pdf> or www.politstudies.ru/fulltext/1999/5/5.htm (accessed on: 10.09.2022). (in Russ.)
- Chomsky, N.** Making the Future. In: *Occupations, Interventions, Empire and Resistance*. Penguin books, 2012. 317 p.
- Dueling Realities: Amid Multiple Crises, Trump and Biden Supporters See Different Priorities and Futures for the Nation [Online]. URL: <https://www.ppri.org/research/amid-multiple-crises-trump-and-biden-supporters-see-different-realities-and-futures-for-the-nation/> (accessed on: 12.08.2022).
- Fefelov, A. F.** The Discourse around Cancel Culture as an Object of Linguocultural and Translation Analysis: Logic vs “Logic”. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*, 2022, vol. 20, no. 1, pp. 126–144. (in Russ.)
- Fefelov, A. F.** Chomsky’s media phenomenon and its reception in Russia: rhetoric, semiotics, translation. *Vestnik NSU. Series: History, Philology*, 2017, vol. 16, no. 6 Journalism, pp. 112–122. (in Russ.)
- Girenok, F. I.** Parallel world: asociality of social networks. In: *Values and Communication in Modern Society*; Eds. S. V. Klyagin, O. D. Shipunova; Chpt. 1. St. Petersburg, 2012. Pp. 38–42. (in Russ.)
- Hewitt, D.** A Critical Review of “Post-Truth: Knowledge as a Power Game” by Steve Fuller. *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2020, vol. 9(8), pp. 47–52.
- Ivanov, E. A.** Semantic interpretation of the concepts “truth”/“Pravda” and “istina” in dictionaries, translations of Bible, and Shakespeare’s sonnets. Graduate thesis under the scientific direction of A. F. Fefelov. The NSU Repository. Novosibirsk, 2008. 70 p. (in Russ.)
- Keyes, R.** The post-truth era: dishonesty and deception in contemporary life. New York: St. Martin’s Press, 2004. 283 p.
- Khlebnikova, O.** Clip Thinking and Post-Truth Gestalt in the Space of Narcissistic Culture. *Ideas and Ideals*, 2022, vol. 14, iss. 3, pt 1, pp. 195–214. (in Russ.) DOI 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-195-214

- Klyukanov, I. E.** Communication and Forgetting: On Revision and Re-evaluation of Values. In: *Values and communication in modern society*; Eds. S. V. Klyagin, O. D. Shipunova; Chpt 1. St. Petersburg, 2012. Pp. 23–29). (in Russ.)
- Kruger, E. I.** The Pragmatic Function of the new Lexical Units in the Conceptual Field of “FRIEND OR FOE” (as reflected in the newspapers New York Post and New York Daily News). *World of Science, Culture and Education*, 2020, no. 6(85), pp. 516–520. (in Russ.)
- Mekhontseva, Yu. G.** Comparative study of the semantic and cultural evolution of the words “pravda–istina–vérité” in French and Russian (based on Bible usage). Graduate thesis, scientific supervisor A. F. Fefelov. Novosibirsk: NSPU, 2004. 126 p. (in Russ.)
- Martin, B.** 2019. What’s the Fuss about Post-Truth? [Online] *Social Epistemology Review and Reply Collective*, 2019, vol. 8(10), pp. 155–166. URL: <https://wp.me/p1Bfg0-4Cw> (accessed on: 12.08.2022).
- McIntyre, L.** The Scientific Attitude. The MIT Press, 2020.
- McIntyre, L.** Post-truth. The MIT Press, 2018.
- Nitchenko, M., Girenok F.** The End of the Time of Thinkers. Interview; In: *Nezavisimaya Gazeta*, 29.03.2018. (in Russ.)
- Stepanov, Yu. S.** Constants: Dictionary of Russian Culture. Moscow, 2001. 989 p. (in Russ.)
- Toporov, V. N.** Etymological parallels (Slavic-Italian languages). Brief messages. *Institute of Slavic Studies*. M., 1958. Vol. 25. pp. 74–88. See special. pp. 80–83 (in Russ.)
- Uspensky, B. A.** A brief history of the Russian standard language (XI–XIX centuries). M.: Gnozis, 1994. 239 p. (in Russ.)
- Znakov, V. V.** Psychology of understanding the truth (pravda). St. Petersburg, 1999. 279 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Фефелов Анатолий Федорович, кандидат филологических наук, доцент
SPIN 6759-3782

Information about the Author

Anatoli F. Fefelov, Candidate of Sciences (Linguistics), Associate Professor
SPIN 6759-3782

*Статья поступила в редакцию 09.10.2022;
одобрена после рецензирования 10.01.2023; принята к публикации 26.01.2023*
*The article was submitted 09.10.2022;
approved after reviewing 10.01.2023; accepted for publication 26.01.2023*